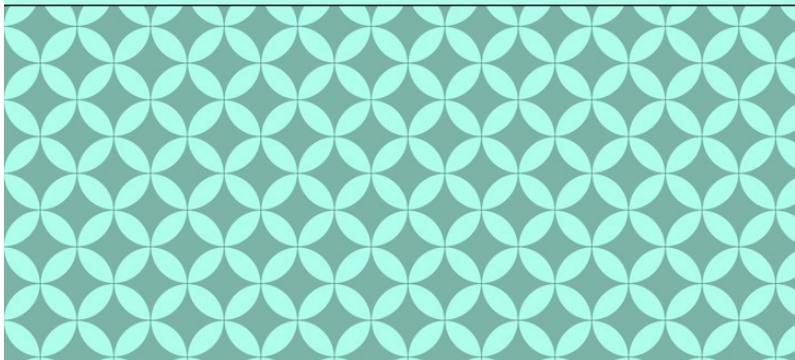

Семён Юрьевич Ешурин

*Крепостная
герцогиня
(главы 1—27)*

Квазиисторическая юмористическая
эпопея

Семён Юрьевич Ешури
Крепостная герцогиня (главы
1—27). Квазиисторическая
юмористическая эпопея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26534853
ISBN 9785448576522

Аннотация

Английский граф Уолтер Гриффит, потерпев неудачу в любви, нанимается на строительство канала в России. По вине начальника стройки канал обмелел. Спасаясь от гнева царя Петра, граф пускается в бег. Он спасает купца от бандитов, но получает тяжёлую рану.

Содержание

1. Пролог	5
2. Птичку жалко!	6
3. И песни, и танцы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Крепостная герцогиня
(главы 1—27)
Квазиисторическая
юмористическая эпопея**

Семён Юрьевич Ешурин

© Семён Юрьевич Ешурин, 2017

ISBN 978-5-4485-7652-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Пролог

История сия имела место (либо могла иметь оное) во времена стародавние, а посему писана языком, временам тем, по мнению автора соответствующим. Язык сей тяжеловесный древнеешуринский маскирует умело отсутствие у автора стиля собственного, в чём убедиться не тяжко, просмотрев бегло опусы его «прозарушные».

Коли читателю любознательному встретится слово незнакомое (либо знакомое, но лишь одно!), то обратиться без страха следует к чудищу электронному, жутчайшим именем «ГУГЛ» именуемому. (Автор тешит себя надеждой робкой, что второе чудище с пАрным (а вовсе не с парнЫм!) названием «МАГУГЛ» пока не создано!). Нельзя не признать, что создатель (не всего, а лишь) эпопеи сей страдает юморЕей, то бишь недержанием юмора. Заболевание сие распространено весьма, однако тут имеет место редкая форма юмореи – недержание СОБСТВЕННОГО юмора. Чужой юмор почти не встретится, ибо своего девать нЕкуда (с ударением на первом слоге, ибо в языке древнем иудейском, ивритом именуемом, слово «некуда» с ударением на слоге последнем означает «точка»). В редких случаях возникнут проблемы с приоритетом, то бишь с первородством (аки у библейских Исава и Якова с чечевичной похлёбкой), ибо автор не один такой умный!

2. Птичку жалко!

Итак, в некотором царстве (то бишь в королевстве, но кто хочет про царство читать, то возможность сия ещё представится), в некотором государстве (казалось бы, одно и то же, ан нет, ибо всякое царство – государство, но не всякое государство – царство!) жила-была (тут, пожалуй, и впрямь одно и то же, даже коли жить мОчи (с ударением на слоге первом!) нет, что к героине нашей не относится, ибо девица сия, несмотря на талию стройную, выражаясь фигурально, с жиру бесилась, ибо родителем ее был

«какой-то крупный лорд из Эдинбурга»,

но не тот, естественно, о коем пел Владимир Высоцкий в песне про Одессу, коя лишь чрез век и двенадцать годов опосля начала событий описываемых основана будет:

«Как-то там морально пала

Королева из Непала

И какой-то крупный лорд из Эдинбурга»

Про связь сию интернациональную хорошо высказался безызвестный пиит в исполнении небезызвестного Владимира Винокура:

«Восточит Запад, западит Восток!»

...В общем, жила там была красавица златокудрая по име-

ни Джейн из славного шотландского рода Гамильтон. И была сия графиня юная (осьмнадцати годов) помолвлена с женихом не юным графом Макдауэллом из не менее славного и тоже шотландского рода. Но не токмо года (в количестве сорока девяти штук!) являлись богатством жениха, седидами убелённого, но и дворцы, угоды обширные, овцы, на них пасущиеся и прочая, и прочая, и (сколько раз повторять можно?!) прочая!

За неделю до готовящегося бракосочетания пышного состоялся во столице шотландской бал роскошный, кой опианные жених с невестою посетить изволили. Граф сам не танцевал, дабы не позориться, но и невеста в веселии не участвовала, дабы жениха не озлоблять. Вдруг почуяла на себе девица красная (то бишь красивая, а не ибо за власть советскую!) взгляд мужеский пламенный, излучатель коего, юноша черноволосый и ликом прекрасный одет был в мундир офицера аглицкого. И, памятуя о запретности чувства взаимного, одарила поклонника нового улыбкою грустною джокондовой, хоть и не была графиня шотландская похожа на Мону Лизу, матрону флорентийскую, коюю отличить затруднительно от Зои Космодемьянской, героини партизанской! И узрев улыбку сию, вскочил офицер со скамьи, на коей сидел, словно за миг до того сел по рассеянности на кнопку канцелярскую! И, подойдя к графу Макдауэллу, поклонился учтиво и молвил почтительно на языке староаглицком, кой при переводе в старорусский (речь не про град

Старая Руса ведётся) преобразуется:

– Позвольте пригласить на один лишь танец очередной спутницу Вашу очаровательную.

На что ответил граф предерзко:

– Позвольте мне не позволить, хотя в позволении Вашем нужды не испытываю, ибо девицы шотландские не танцуют с иноземцами!

Аки токмо услышала упомянутая девица шотландская слова сии неполиткорректные, полыхнули огнём ее очи чёрные и страстные, и потупила она их, дабы причиною ожогов али пожара не стали!

– Глаголили мне, что хорошо поставлена в Шотландии работа патриотическая, – молвил офицер, – но не ведал я, что столь хорошо!

– Я никогда не соглашусь танцевать с солдафоном, мою многострадальную Родину сапогами грязными попирающему! – заглаголила Джейн, аки бы подтверждая правоту слов жениха своего невежливого...

Тут заиграла музыка. Офицер ещё раз поклонился вежливо, собираясь удалиться с позором, но тут графиня юная продолжила:

– Но я не могу отказать кавалеру галантному в сапогах до зеркального блеска начищенных!

И взяв за руку опешившего офицера аглицкого, шотландка знатная рыжая закружилась с ним в танце.

Они не произнесли ни звука, но взгляды их (не на поли-

тику али искусство, а друг на друга) красноречивее излишних комментариев были.

Наконец, закончился танец, и подвёл (в смысле буквальном!) офицер партнёршу от собственной наглости побледневшую к жениху ея, от той же наглости побледневшему того более!

– Мистер Гамильтон! – возопил граф. – Ваша дочь безнравственная (али выражаясь научно, аморальная!) свершила деяние постыдное, и честь велит мне отказаться от невесты, мнение моё игнорирующей! Однако контракт брачный сие не велит! А посему прошу... нет, требую наказать нахапку примерно, дабы отбить охоту у других дев шотландских своевольничать!

– Ну конечно, граф... – пролепетал отец.

– Мистер Гамильтон! – заглаголил англичанин. – Бывший жених Вашей дочери не имеет права просить (а уж требовать тем паче!) наказать чужую (то бишь мою!) невесту! Ибо дочь Ваша оказала мне честь, согласившись стать женою моею!

Джейн Гамильтон от удивления великого очи выпучила, но сориентировалась борзо и вновь опустила оные. Граф Макдауэлл воскликнул:

– Скажи-ка, жених доморощенный, аки хоть звать якобы невесту твою, с коей ты даже словом единым не перемолвился?

– Мисс Гамильтон.

– А имя?

Невеста пришла на помощь жениху новому:

– Кто не ведает Джейн Гамильтон?!

– Лишь один человек из присутствующих здесь не ведал имя сие – воскликнул офицер. – И человек тот – виконт Джордж Гриффит, то бишь Ваш, эдинбуржцы уважаемые, слуга покорный, но сейчас невежд таковых здесь нету! А что касасяемо отсутствия диалога брачного между мною и Джейн обожаемой, то очи наши более молвили, нежели язык! Но коли публика предпочитает языку взглядов язык слов, то мисс Джейн сейчас скажет, согласна ли женою моею стать. Но коли изречёт она, что подумать надобно, то буду с грустию в сердце таковой ответ отказом считать.

– Остановись, дочь неразумная! – раздался глас отцовский. – От ответа твоего фортуна твоя зависит. А посему для принятия решения единственно правильного окажу тебе помощь родительскую. Клянусь честью своею, что коли согласишься на предложение необдуманное сего франта юного, то пойдёшь под венец не с графом Макдауэллом, всеми уважаемым, а с грязным оборванным бродягой бездомным без единого фартинга в кармане, коего я тебе назначу!

– Заметьте, лорд Гамильтон, – Макдауэлл возрадовался, – обещание сие Вы без принуждения дать изволили!

– Ах, так!! – воскликнула валькирия рыжая. – Тогда я согласна с выбором папеньки!

– Молодец, милая доченька! – воскликнула мать, подвоха

не почуявшая.

– Тем более, – продолжила «милая доченька», – коли выбранного папенькой «грязного оборванного бродягу бездомного без единого фартинга в кармане» помыть, приодеть, поселить у меня и деньги на расходы карманные выдать, то никакому мистеру Макдауэллу, бриллиантами усыпанному за ним не угнаться!

– Не понял! – воскликнул несчастный отец. – То бишь понял, что согласна ты на предложение первого попавшегося офицера, но не понял, аки у девицы благородной воспитания завидного на сие наглости хватило!

– Сама дивлюсь, папенька!

Тут главу матери семейства гамильтоновского посетила (едва ли ни впервые!) мысль, коя и была тут же озвучена:

– Господин капитан! Возьмите назад своё предложение скоропалительное, а коли Джейн, с цепи сорвавшаяся по причине пока не выясненной, возвращать оное откажется, то силу применить для ея же пользы дозволяем! И тогда граф Макдауэлл проявит великодушие, его славному роду свойственное и сделает вид, что Вы, краса и гордость армии аглицкой, здесь аки бы и не появлялись вовсе!

– Думаю, «господин капитан» на сие согласится с радостью превеликой! – отвечивал офицер.

– И я со своей стороны готов аки бы забыть сей инцидент прискорбный, – молвил граф Макдауэлл, – но об условиях сей забывчивости поговорю приватно с мистером Гамильто-

НОМ.

Тут дева прекрасная, предметом торга постыдного токмо что ставшая, таким взглядом военнотружущего армии англиской пронзила, что лишь твёрдость паркета дубового помещала последнему в преисподнюю провалиться. Засим произнесла гласом аки бы хвалебным:

– Особливо отметить желаю чистоплотность господина капитана, сапоги коего чисты не токмо у части видимой, но и у части подошвенной, ибо изволил он ноги вытереть о девушку беззащитную и обманутую вероломно!

Она бы ещё глаголила, но тут Джордж Гриффит вытянул вперёд длань с ладонью подъятой, что на языке жестов интернациональном, то бишь международном означает: «Помолчи, баба, мужчина глаголить будет!»

Аки ни горела девица желанием страстным довысказать недовысказанное, но любопытство сильнее гнева оказалось, и выполнила она пожелание Джорджа Гриффита невысказанное, то бишь замкнула уста свои.

– Вполне возможно, – начал офицер, – что «господин капитан» откажется от своего предложения, хотя я и не ведаю, кто он и в чём состоит предложение его! ... И не след, господа уважаемые, перстами у висков Ваших крутить многозначительно, ибо пред поездкой во страну Вашу замечательную, но для нервной системы утомительную был я полковым психиатром обследован и адекватным признан, а в гостеприимной Шотландии находясь, не получал увечий, оную адек-

ватность понижающих!

– А не мог ли господин капитан, – не удержалась Джейн, – получить столь сильное увечье, что забыл даже о получении увечья?!

Гриффит рассмеялся заразительно:

– Вполне возможно, но предлагаю перейти от капитана мифического, вполне возможно на всю главу контуженного, по причине чего отказался от предложения брачного столь прекрасной девице, остроумной и остроязыкой, ко скромному лейтенанту аглицкому, от сего предложения отказываться не собирающегося, несмотря на Вашу, мисс Джейн, критику!

– Лейтенант Гриффит! – прекрасная шотландка воскликнула. – Поясните публике уважаемой, к какому такому скромному лейтенанту аглицкому Вы перейти собираетесь?

– Премудрая (а не токмо прекрасная!) мисс Гамильтон! Сдаётся мне, что коли «лейтенантом» меня Вы величать изволили, то ведаете ответ на вопрос свой риторический, то бишь ответа не требующий! Но коли кто-либо из публики уважаемой ответ сей не ведаёт, то пушай и далее в неведении пребывает, ибо сие суть моё задание домашнее! А ещё, Джейн прелестная, умиляет меня умение твоё (всем прочим девицам и дамам так же свойственное) уводить разговор во сторону. Но со мною номер сей не прокатит, ибо не теряю я нить разговора, аки Тесей мифический нить ариаднину не терял, ибо в лабиринте минотавровом невозмож-

но путь по компасу отыскать не токмо ввиду неизобретения прибора сего навигационного в те времена далёкие древнегреческие, но и ввиду месторождений железорудных, стрелку компаса отклоняющих. А посему ответь-таки на вопрос мой, прозвучавший не так уж давно, дабы время было запомнить оный: согласна ли ты стать супругою моей возлюбленной, ... ну, по крайней мере законною? Али тебе хочется... получить жениха некондиционного, твоим родителем выбранного, дабы довести до кондиции?

И ответила невеста двойная:

– Конечно, Джордж, согласная я, ибо люб ты сердцу моему со взгляда первого, хоть и возникли недоразумения со взгляда второго ввиду некомпетентности моей в чинах воинских. Но брак будущий наш столь же утопичен, сколь и остров Утопия сэром Томасом Мором полтора века назад описанный, а посему поведёт меня под венец избранник отца моего, либо я того избранника, коли оный хромым окажется!

Слова сии переполнили и без того не шибко глубокую чашу терпения графа Макдауэлла:

– Не скрою, возрадовался я, когда выбрала ты в мужья себе мужлана неотёсанного, ибо за своеволие твоё возмутительное будет бить он тебя, аки пастух Исидор из пословицы шотландской козу свою упрямую! Но согласие твоё на брак с повесой сим аглицким разным культурам обученным, приведёт, скорее всего, к побегу и последующему браку с ним.

И брак сей счастливым для тебя оказаться может, чего допустить нельзя, ибо тогда дерзость твоя преогромная безнаказанной останется, что примером, недостойным подражания для молодёжи современной будет! А посему, несмотря на миролюбие моё всем известное, придётся мне мистера Гриффита, спокойствия возмутителя на дуэль кровавую вызывать!

– Надежду лелею, мистер Макдауэлл, что известны Вы всем не токмо миролюбием, но и благоразумием, коее не позволит Вам махать шпагою предо мною, ибо являюсь не токмо обладателем значка «Готов к обороне Отечества», но и чемпионом полка по фехтованию.

– А чемпионом полка по стрельбе пистолетной тоже являетесь? – граф усмехнулся.

– Увы! Трудно совершенства во всём добиться!

– Тогда стреляемся и немедленно! – воскликнул Макдауэлл.

– Уважаемый граф отважный! Видите ли Вы вон в той форточке открытой пташку малую, на карнизе дома противоположного беззаботно сидящую?

– Ну, вижу.

– А теперича видите? – спросил лейтенант, выхватывая пистолет и быстро прицеливаясь.

Грянул выстрел. Когда дым рассеялся, карниз противоположного дома был пуст.

– Теперича не вижу, – ответил граф, – ибо улетела птица

сия, звука выстрела устранившись.

– И пулю с собой унесла, – усмехнулась Джейн, – ибо нет следа пулевого на стене противоположной!

Тут в голову графа Макдауэлла, к оригинальным мыслям (аки и у миссис Гамильтон!) непривычную одна из таковых мыслей пожаловала, и воскликнул он с радостью:

– А потому следа пулевого нет, что и пули-то не было, ибо был сей выстрел холостой! А будь в стволе пуля, разнесла бы она окно вдребезги, ибо не способен сей горе-стрелОк попасть не токмо во пташку малую, но и в форточку открытую!

И засмеялись патриоты шотландские над офицером аглицким, коий не токмо не закричал истошно, правоту свою доказывая, но даже от стыда не покраснел (вот ведь какой бесстыдник!). Но лишь кончился смех сей патриотический, заглаголила Джейн, к тому времени уже у окна стоящая:

– А чем тогда объяснить наличие на земле птахи малой окровавленной и бездыханной?

И покраснел от сего вопроса граф Макдауэлл аки помидор, к тому времени уже из Южной Америки в Европу завезённый, но ещё съедобным не признанный. Виконт же аглицкий не токмо не стал добивать издёвками графа шотландского, но даже встал на защиту оного:

– Не пристало девице благочестивой позорить мужчину пред людьми хоть и безмерно уважаемыми, но посторонними. Информацию сию компрометирующую сообщить следовало с ока на око (даже при наличии пары очей у каждо-

го из собеседников) али, аки глаголят по ту сторону пролива ламаншского, «тет-а-тет». Я же в оправдание графа высокородного признать готов, что мог по рассеянности моей один из патронов холостым оказаться, а пташку сию на охоте подстрелили, а опосля выкинули ввиду малости размеров ея. Так же признать готов, что стрелком являюсь неискусным. И коли граф благородный во стрельбе искусный горит желанием подстрелить на дуэли столь лёгкую добычу, коей Ваш слуга покорный является, то готов перейти со смирением из мира бренного в мир вечный!

Граф Макдауэлл не упустил свой шанс избежать столь нежеланной дуэли:

– Ну что Вы, виконт! Нет мне никакого интереса со столь слабым стрелком тягаться. Умеете ли Вы в шахматы играть?

– Правила сей игры ведаю, Ваше Сиятельство, но сосед мой лондонский некий сапожник Мэтью Хогарт «чешет» меня, аки в нашем кавалерийском полку глаголят, «и во хвост, и во гриву»!

– А я же не токмо слуг своих обыгрываю, но и гостей!

– ... Ибо бояться те и другие, – очередной раз Джейн Гамильтон не удержалась, – гнева Вашего высокородного в случае результата для Вашего Сиятельства неблагоприятного.

Но тут встретила девица строптивая взгляд виконта укоризненный и с видом раскаянным молвила:

– Предлагаю считать слова мои последние «тет-а-тет» произнесёнными и ушей посторонних не достигшими!

– Я же предлагаю, – предложил граф Макдауэлл, – разыграть сию девицу нахальную в игру шахматную. И коли одержу я викторию славную, то заберёте назад своё предложение брачное необдуманное, аки уже советовала достойнейшая мать недостойной невесты сей.

– Я готов, – ответил виконт, – во знак уважения к роду Макдауэллов древнему уступить Вам мою Джейн, несмотря на характер несахарный обожаемую, во случае даже результата ничейного (тут Джейн хотела устремить на жениха взор презрительный, но почуяв в словах сих подвох, попридержала взгляд свой горгономедузий!). Но хотел бы предупредить честно соперника столь грозного, что упомянутый Мэтью Хогарт входит во тройку сильнейших шахматистов аглицких, и никто, окромя двоих прочих сей тройки участников не способен супротив сего сапожника устоять. Я же примерно в каждой пятой партии хоть и в состоянии сильно потрёпанном, но на ничью уползаю. А недавно мистер Хогарт признал, что провёл я партию блестяще и одержал викторию славную! Правда, похвала сия меня такою радости наполнила, что сделал ход идиотский и проиграл очередной раз.

– Что-то неохота мне, игроку сплошные виктории одерживающему, – проговорил Макдауэлл, – играть с шахматистом, почти всегда проигрывающим и лишь иногда на ничью уползающим, аки пёс побитый!

– А давайте считать, – предложил Джордж Гриффит, –

что англичанин трусливый отклонил все предложения воинственные шотландца отважного, но не отменил лишь одно предложение своё брачное. Тем паче, невеста сия, завидная по положению материальному, но незавидная по качествам моральным, в непочтении ко слову мужескому проявляющимся, всё равно оборванцу согласно слову отцовскому достанется.

– На том и порешили! – провозгласил граф торжественно, и оба соперника бывших рукопожатием обменялись.

– А теперь, эдинбуржцы достопочтенные, – проговорил лейтенант аглицкий, – не смею обременять вас присутствием своим, но пред уходом пояснить хочу, почему из всех отелей эдинбургских выбрал я забегаловку с казалось бы столь отвратным для слуха аглицкого названием «Баннокберн».

Глаголя слова сии, устремил он взгляд пламенный... нет, не на невесту свою, но на отца ея! И произнесся столь драгое для каждого шотландца слово «Баннокберн», зажмурил сильно глаз правый, а затем открыл оный, аки бы глаголя: «Понял, папаша, где меня найти сможешь, коли ушами не будешь хлопать?!» Засим продолжил Гриффит общение с публикой шотландской столичной:

– Все вы знаете, что имя сие носил ручей, на берегах коего в июне 1314 года доблестная армия шотландская под предводительством полководца гениального Роберта Брюса разгромила в пух и обратила во прах вчетверо превосходящую армию Эдуарда Второго, бездарного короля аглицкого. Не по-

тому глаголю сие, что страдаю низкопоклонством пред Севером. Но являясь патриотом аглицким, считаю, что не зазорно учиться у неприятеля, дабы свершив работу над ошибками, усилить мощь державы своей! Сим патриотизм мой отличается заметно от патриотизма макдауэллского, кой состоит в том, дабы запрещать девицам танцевать с чужеземцами, даже коли оне не супротив подобных перспектив! Пожелаю же на прощание мира во всём мире вообще и между нашими народами соседскими в частности!

На сей ноте торжественной покинул виконт помещение, кивнув на прощание многозначительно графу Гамильтону. Засим, выйдя на улицу, подошёл ко птахе убиенной, отдал покойной почести воинские и заплатил стражу порядка ближайшему за ея погребение достойное, опосля чего вся столица шотландская неделю целую со слезами на очах обсуждала поступок сей благородный.

3. И песни, и танцы

Чрез три часа в забегаловку уже упомянутую под названием «Баннокберн» вошёл старичок согбенный белобородый, еле ноги передвигающий и на клюку опирающийся. Попросил он препроводить его к виконту аглицкому, что и было исполнено. Постучал он во дверь, вошёл в оную со трудом превеликим и прошамкал гласом дрожащим: – Вечер добрый, виконт... безымянный, ибо забыл имя Ваше вследствие склероза старческого. – Приветствую Вас, дедушка старенький... Гамильтон! А именем своим утруждать память Вашу не буду, ибо всё равно забудете! – Значит, замаскировался я... не шибко, – посетитель промолвил, распрямляясь и бороду накладную срывая, – коли фамилию мою славную угадать изволили! – Да приди Вы сюда в виде чудища лохнесского, всё равно бы узнаны были, ибо ждал я Вас с нетерпением, хоть сие качество постыдное мне и не свойственно! – Значит, верно истолковала она Ваши мигание и кивание, кои ошибочно считал я следствием тика нервного. – Подозреваю, что «она» суть не супруга Ваша достопочтенная, но дочь смышлёная! – Точно – подтвердил граф Гамильтон. – «Она» – она и суть! ... И зачем же вызывали меня, мистер Гриффит? – А старичок-то наш не токмо внешне помолодел, – рассмеялся виконт, – но и память вернулась, ибо фамилию мою вспомнил! – И даже имя, любезный Джордж!

– А вызывал я Вас, Ваше Сиятельство, дабы вытащить из ямы глубокой, в коюю провалились Вы по милости моей. То бишь коли мне не выпендриваться пижонски, пояснить желаю, аки можно и дочь замуж сбегрить и честь свою незапятнанную не запятнать!

– Ответ сей и мне ведом – молить Макдауэлла коленопреклоненно, дабы простил Джейн и в жёны ея взял.

– А устраивают ли условия контракта брачного сего жениха высокородного? – Более чем! – воскликнул Гамильтон. – Тогда не след смиренно преклонять колени, ибо достаточно молвить графу, что невеста согласна, и заключит он последнюю в объятия более али менее пылкие, ибо велика любовь его к условиям контракта брачного!

– Но проблема в том, что невеста пред алтарём согласия своего не даст! – Сие-то аки раз не проблема, ибо напоить можно невесту безалкогольную до визга поросячьего и служителю культа дать на лапу загребушую, и тогда любое блеяние ея примет тот за согласие искреннее! А проблема-то всё едино возникнет, но уже не со свадьбой, а опосля оной, когда протрезветь изволит супруга юная. И такое «счастье семейное» своей половине дражайшей устроит, что сбежит Макдауэлл несчастный, куда очи глядят, а аки добежит, то развод потребует и неустойку немалую. – А за что неустойку-то?! – посетитель встревожился. – За всучение со стороны гамильтоновской товара некачественного, ибо брал в жёны деву якобы скромную и нежную, а получил фурию огне-

дышащую! – Сей вариант неустойчивый не радует меня!

– Но есть вариант «иной», али аки в Риме древнем глаголили, «альтернативный»! – Ну и ...! – граф Гамильтон вскричал нетерпеливо. – Для начала найти следует жениха такого, коего полюбит прелестная (во глазах его) Джейн со всем пылом души своей девичьей либо на случай крайний такого, коего хоть и с причитаниями бабьими, но терпеть согласна! – Есть такой на примете у меня! Токмо союз двух сердец любящих приведёт к бесчестию моему, ибо жених сей, всё семейство гамилтоновское более али менее устраивающий, не соответствует образу жениха того, коего обрисовал я по запальчивости на танцах злополучных! Ибо обещал всенародно, что коли примет дочь моя предложение Ваше брачное, мистер Гриффит, то поведёт ея под венец грязный оборванный бродяга бездомный без единого фартинга в кармане! Я ничего не упустил? – Упустили, что оборванца сего должны для дочери своей Вы же и назначить. Получается, что стоите Вы, мистер Гамильтон пред выбором незавидным: либо жених достойный, либо жених омерзительный! То бишь, выражаясь языком ревнителей чистоты жанра, «либо песни, либо танцы»! – Сие мне и так ведомо! И беседы Ваши вокально-танцевальные не приближают меня к решению проблемы сей ни на йоту! – Ещё аки приближают, мистер Гамильтон! Ибо решение столь страстно ожидаемое гласит: «И песни, и танцы!» И то, и иное присутствует одновременно в комедии двух Жанов Батистов «Ме-

щанин во дворянстве». – Смотрел я шедевр сей, в Париже находясь и лицезрел на сцене упомянутых драматурга гениального Мольера (уже покойного) и композитора Люлли (пока живого, но несмотря на факт сей тоже гениального). Уж не намекаете ли Вы, мистер Гриффит, столь витиевато, что оба описанных жениха непохожих суть один человек?!

– Именно на то и намекаю я, и рад, что к выводу сему парадоксальному пришли Вы, мистер Гамильтон, самостоятельно! Заметьте: не глаголили Вы, что женихом дочери Вашей должен быть «грязный оборванный бродяга бездомный без единого фартинга в кармане»! – То бишь аки сие не глаголил?! – Гамильтон опешил. – А так! Молвить Вы изволили лишь то, что сей тип малопривлекательный лишь поведёт под венец девицу сию! – Уж не хотите ли молвить Вы, что жених, коий всех худо-бедно устраивает, преобразится в указанного «типа малопривлекательного» лишь на время бракосочетания, а по завершении оного повысит привлекательность свою?! – Нет, не хотел я сказать сие, а хотел, дабы Вы, мистер Гамильтон, сказали. И рад безмерно, что хотение моё осуществилось! – Думаю, легко будет сделать из жениха блестящего «грязного оборванного бродягу» «без единого фартинга в кармане» (сделать наоборот куда труднее!). Ибо всё сие лишь на время. Но сделать сего жениха привлекательного «бездомным» не так-то просто, ибо таковым считается не тот, кто из дома своего вышел на время (к примеру, воздухом свежим подышать), но тот, кто не считается владель-

цем дома юридически. – Сие препятствие сурьёзное обойти можно, – виконт Гриффит молвил. – Ради счастья обладать Джейн прекрасной должен жених ея пойти на неудобство временное: пред свадьбой продать дом свой и юридически бездомным стать, а опосля осчастливливания своего назад сей дом выкупить! Али новый дом купить размера большего, ибо семья его опосля бракосочетания на одну особу увеличится, а во случае плодовитости особы сей увеличится и того более!

– Ради плодовитости дщери моей готов оплатить разницу стоимости нового дома, сколь бы дорогим он ни был (во пределах разумных!) и старой развалюхи (сколь бы дешёвой она ни была!).

– Аки глаголил часа три назад мистер Макдауэлл ехидный, – виконт аглицкий произнёс, – «Заметьте, лорд Гамильтон, обещание сие Вы без принуждения дать изволили!» – Благодарствую, мистер Гриффит, за «песни и танцы», давшие успокоение душе моей! Засим имею честь откланяться! – Коли желаете, лорд Гамильтон, и в дальнейшем «иметь честь», то наденьте бороду, кояя без надобности мне, дабы сокрыть лик Ваш от папарацци назойливых. – Благодарствую так же за ещё один совет дельный! – изрёк граф, бороду надевая. – ... Да! Чуть было ни запамятовал! Расскажите, виконт, про род свой. Раскидисто ли древо Ваше генеалогическое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.